

Велимир Хлебников

Спички судьбы

Велимир Хлебников

Спички судьбы

Стихотворения и поэмы: избранное

Москва

Издательство АСТ

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Х55

Составители — Рубанова Наталья, Юрий И. Крылов

Хлебников, Велимир Владимирович.

Спички судьбы / Велимир Хлебников. — Москва :
Х55 Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Вечная поэзия).

ISBN 978-5-17-119617-2

Велимир Хлебников — русский поэт и прозаик, один из крупнейших деятелей русского и мирового авангарда. Его творчество отличается своеобразным стилем, языковыми экспериментами, поисками новых путей в различных литературных жанрах и формах. Основной предмет его произведений — Россия, ее народ, ее история и природа. В данный сборник вошли стихи и поэмы разных лет.

УДК 821.161.1-1
84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-119617-2

© ООО «Издательство АСТ», 2020

I ЧАСТЬ: «ЧУРЕЛЬ! ЧАРЕЛЬ!»

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин — жар любви горничной Волконского.

Мы чаруемся и чураемся.
Там чаруясь, здесь чураясь.
То чурахарь, то чарахарь.
Здесь чуриль, там чариль.
Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! Чурари!
Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся, и чаруйся.

Я славлю лёт его насилий,
Тех крыл, что в даль меня носили,
Свод синезначимой свободы,
Под круги солнечных ободий,
Туда, под самый-самый верх,
Где вечно песен белый стерх.

Вечер. Тени.
Сени. Лени.
Мы сидели, вечер пья.
В каждом глазе — бег оленя,
В каждом взоре — лёт копыя.
И когда на закате кипела вселенская ярь,
Из лавчонки вылетел мальчонка,
Провожаемый возгласом: «Жарь!»
И скорее справа, чем правый,
Я был более слово, чем слева.

Стенал я, любил я, своей называл
Ту, чья невинность в сказку вошла,
Ту, что о мне лишь цвела и жила
И счастью нас отдала <...>

Но Крысолов верховный «крыса» вскрикнул
И кинулся, лаем длившись, за «крысой» —
И вот уже в липах небога,
И зыбятся свечи у гроба.

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

ВАМ

Могилы вольности — Каргебиль и Гуниб
Были соразделителями со мной единых зрелищ,
И, за столом присутствуя, они б
Мне не воскликнули б: «Что, что, товарищ, мелешь?»
Боец, боровшийся, не поборов чуму,
Пал около дороги круторогий бык,
Чтобы невопрошающих — к чему?
Узнать дух с радостью владык.
Когда наших коней то бег, то рысь вспугнули их,
Чару рассеянно-гордых орлов,

Ветер, неосязуемый для нас и тих,
Вздымал их царственно на гордый лов.
Вселенной повинуюся указу,
Вздымался гор ряд долгий.
И путешествовал по Кавказу,
И думал о далекой Волге.
Конь, закинув резво шею,
Скакал по легкой складке бездны.
С ужасом, в борьбе невольной хорошея,
Я думал, что заниматься числами над бездною полезно.
Невольно числа и слагал,
Как бы возвратясь ко дням творенья,
И вычислил, когда последний галл
Умрет, не получив удовлетворенья.
Далёко в пропасти шумит река,
К ней бело-красные просыпались мелá,
Я думал о природе, что дика
И страшной прелестью мила.
Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей
Похожа на один божественно звучащий стих,
И в это время воздух освободился от цепей
И смолк, погас и стих.
И вдруг на веселой площадке,
Которая, на городскую торговку цветами похожа,
Зная, как городские люди к цветку падки,
Весело предлагала цвет свой прохожим, —
Увидел я камень, камню подобный, под коим пророк
Похоронен; скошен он над плитой и увенчан чалмой.

И мощи старинной раковины, изогнуты в козлиный рог,
На камне выступали; казалось, образ бога камень
увенчал мой.

Среди гольцов, на одинокой поляне,
Где дикий жертвенник дикому богу готов,
Я как бы присутствовал на моляне
Священному камню священных цветов.
Свершался предо мной таинственный обряд.
Склоняли голову цветы,
Закат был пламенем объят,
С раздумьем вечером свиты...
Какой, какой тысячекост,
Грознокрылат, полуморской,
Над морем островом подьмлет хвост,
Полунеземной объят тоской?
Тогда живая и быстроглазая ракушка была его свидетель,
Ныне — уже умерший, но, как и раньше, зоркий камень,
Цветы обступили его, как учителя дети,
Его — взиравшего веками.
И ныне он, как с новгородичами, беседует о водяном
И, как Садко, берет на руки ветхогусли —
Теперь, когда Кавказом, моря ощеренным дном,
В нем жизни сны давно потускли.
Так, среди «Записки кушетки» и «Нежный Иосиф»,
«Подвиги Александрам» ваяете чудесными руками —
Как среди цветов колосьев
С рогом чудесным виден камень.

То было более чем случай:
Цветы молилися, казалось, пред времен давно
прошедших слом

О доле нежной, о доле лучшей:
Луга топтались их ослом.
Здесь лег войною меч Искандров,
Здесь юноша загнал народы в медь,
Здесь истребил победителя леса ндрав
И уловил народы в сеть.

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотелъ.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
И свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

Огнивом-сечивом высек я мир,
И зыбку-улыбку к устам я поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

Мне спойте про девушек чистых,
Сих спорщиц с черемухой-деревом,
Про юношей стройно-плечистых:
Есть среди вас они — знаю и верю вам.

Мизинич, миг,
Скользнув средь двух часов,
Мне создал поцелуйный лик,
И крик страстей, и звон оков.
Его, лаская, отпустил,
О нем я память сохранил,
О мальчике кудрявом.

И в час работ,
И в час забавы
О нем я нежно вспоминаю
И, ласкою отменной провожая,
Зову, прошу:
«Будь гостем дорогим!»

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька?
Нет, не важная барыня,
А, так сказать, лягушечка:
Толста, низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила,
Дева ветреной воды.

Крылышкуя золотиписьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.

«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

Чудовище — жилец вершин
С ужасным задом —
Схватило несшую кувшин
С прелестным взглядом.
Она качалась, точно плод,
В ветвях косматых рук.
Чудовище, урод,
Довольно, тешит свой досуг.

ОПЫТ ЖЕМАННОГО

Я нахожу, что очаровательная погода,
И я прошу милую ручку
Изящно переставить ударение,
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по годá.
Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега!
Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя?
Ах, позвольте мне это слово в виде неги!
К нему я подхожу с шагом изящным и отменным.